

ВАЛЕНТИНА СЛЯДНЕВА

ЕГЕРЬ

*Посвящается
германо-советской дружбе.*

Участок лесной нам показывал егерь
С лицом казака и походкою пастора.
На ломаном русском представился:
Зегерс
И сильно закашлялся — мучила астма

Потом у костра на поляне сидели,
Плясало у ног торопливое пламя.
Мы слушали молча соратника Тельмана
Столетние сосны шумели над нами...

Мы слушали егеря так, как профессора
Слушают в бытность свою первокурсники
Он говорил нам о вере проверенной,
О том, что мы здорово
дрались под Курском.

Что в тюрьмах прошла
его краткая молодость
Но он не жалеет, нет, он не жалеет...
Он верит, что Ленина емкое слово
Услышит еще не одно поколение...

Мы кофе горячий пили из кружек,
Дымок от костра поднимался все выше
На эту дорогу братства и дружбы
Мы на рассвете в семнадцатом вышли

ОТЧИЗНА

Протянулись мили.
Города и числа...
Ты со мною, милая.
Добрая отчизна.

Там, за горизонтом я
Вижу твои горы,
Слышу тебя, звонкая,
В иностранном говоре.

На картинах в Дрездене
Я тебя, свою,
Ту, что мне пригрезилась
В детстве, узнаю...

За семью ветрами,
В тысяче верстах
Гулкой твоей ранью
Ранит меня Бах...

Здесь тобою синие
Реки напитки...
Вот и в той осине
Это тоже ты.

ЭЛЬБА

Опять канонада — в лесу продолжают
стрельбы.
Разбужено небо, ракета взвилась вдалеке...
Я проводила тебя и к задумчивой Эльбе
По тоненькой тропке спешу до зари налегке.

Спешу ей поведать, что ты мне тревогу
оставил,
От этой тревоги теперь не уйти никуда...
Глохнут от грохота чаек испуганных стаи,
И шепчется тихо у ног моих самых вода.

О чем она шепчется с берегом раннюю
ранью?
Какие ей нынче припомнились были и
небыли...
А может быть, тоже, глухою тревогою
ранена,
Свинцово глядится она в потемневшее небо.

Я к ней подхожу и сажусь у прохладной
волны,
Туманится даль — мне двуглавый
привиделся Эльбрус...
Нет, не должно, не должно повториться
войны!
«Не повторится» — мне вторит задумчиво
Эльба.

Болею осени задумчивым покоем,
Высоким плачем дальних журавлей,
Невысказанной, трудною строкою
И странной молчаливостью полей.

Болею я прозрачной песней озими,
Что льется в сердце знойною тревогой...
Я не спеша иду навстречу осени
Неблизкою знакомою дорогой.

Иду туда, где догорают краски,
И где туманы ходят по земле...
Ты не лечи меня, мой друг, напрасно —
Моя болезнь сама пройдет к зиме.